

УДК 94(47).073+378

Шишкина М.С., аспирант, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Россия).

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИМПЕРАТОРСКОГО УЧИЛИЩА ПРАВОВЕДЕНИЯ В 1835-1845 гг.

Статья посвящена организации образовательной деятельности в Императорском Училище правоведа в первое десятилетие его существования. Автор анализирует содержание образовательной деятельности и условия ее осуществления. Отмечается, что особое внимание в Училище правоведа уделялось изучению иностранных языков и юридических дисциплин. В статье делается вывод о высоком уровне организации образовательной деятельности в Императорском Училище правоведа.

Ключевые слова: Императорское Училище правоведа, образовательная деятельность, принц П.Г. Ольденбургский, Д.И. Ровинский, Н.И. Стояновский, образовательное пространство, закрытое учебное заведение, правоведа, иностранные языки, судебная реформа.

DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-01-164-167

Некомпетентность чиновников, препятствовавшая проведению в жизнь планов Николая I по упорядочению бюрократического аппарата Российской империи, особенно остро ощущалась в судебном ведомстве. Притчей во языцех стала уходившая корнями в допетровскую Русь волокита: на рассмотрение незначительных дел уходили годы, а в некоторых случаях – и десятки лет. Кроме того, все государственные учреждения нуждались в большом количестве квалифицированных юристов. Поэтому на повестку дня был поставлен вопрос об организации подготовки кадров для министерства юстиции. В 1835 г. по инициативе принца П.Г. Ольденбургского было учреждено Императорское Училище правоведа – элитарное закрытое учебное заведение, дававшее своим выпускникам высшее юридическое образование.

Обучение в Училище первоначально длилось 6 лет, нумерация классов была обратной. В 1838 г. было принято решение об открытии VII класса, и срок обучения увеличился до 7 лет. В четырех младших классах (с VII по IV) правоведа осваивали гимназическую программу, а в старших (с III по I) – университетскую. В Училище принимались исключительно потомственные дворяне от 12 до 17 лет. Учебный год длился с 1 августа по 1 июля.

Для абитуриентов разрабатывались специальные программы, где определялись требования к поступающим в VII-IV классы (поступать непосредственно в старшие классы было запрещено). Желавшие поступить в Училище правоведа должны были сдать

экзамены по Закону Божьему, русскому, французскому и немецкому языкам, математике, истории и географии. Кандидат, успешно сдавший экзамены, но не поступивший в Училище из-за отсутствия свободных мест, мог быть зачислен в течение года в случае открытия вакансии. По истечении года результаты экзамена аннулировались, и абитуриент был вынужден вновь проходить через вступительные испытания. Оценка познаний поступавших должна была быть максимально объективной. Преподавателям, принимавшим экзамены, вменялось в обязанность сохранять хладнокровие и «не показывать ни похвалы, ни неудовольствия» [6, Л. 6]. Родителям разрешалось присутствовать на экзамене, однако они не могли ни принимать участия в опросе, ни требовать от экзаменаторов разъяснений по поводу выставленных отметок.

Одним из главных вопросов для руководства Училища стала организация профессиональной подготовки будущих юристов. Определение содержания образовательной деятельности зависело от попечителя Училища, занимавшегося назначением на должность преподавателей, директора, осуществлявшего контроль учебного процесса, а также собиравшегося ежемесячно совета Училища, который обсуждал текущие вопросы, связанные с учебной работой [14, Л. 9].

В течение первых четырех лет своего пребывания в Училище правоведа изучали предметы общего цикла: Закон Божий, географию, историю, математику, логику, а также так называемые предметы искусства,

под которыми понимались черчение, рисование, пение и гимнастика. В трех старших классах преподавались специально-юридические дисциплины: энциклопедия правоведения, российское законоведение, римское право, практическое судопроизводство.

Перечень изучаемых дисциплин в первые годы существования заведения не был устоявшимся и подвергался постоянной корректировке. Так в 1837 г. совет Училища постановил ввести фехтование два раза в неделю по 2 часа. Деньги на выплату жалования преподавателя было решено брать из сумм оплаты обучения своекоштных воспитанников [3, Л. 7]. В 1844 г. было принято решение о начале преподавания в Училище сельского хозяйства [13, Л. 2]. Введение этой дисциплины в юридическом учебном заведении объяснялось желанием попечителя Училища П.Г. Ольденбургского подготовить кадры для Вольного экономического общества, чьим президентом он являлся и над совершенствованием которого он, со свойственной ему увлечённостью, работал.

Согласно уставу Училища, при распределении учебных дисциплин по классам обязательно принимались во внимание возраст воспитанников и обусловленные им способности. На заседаниях Совета Училища осуществлялся всесторонний анализ учебных успехов, по итогам которого предметы, с трудом дававшиеся правоведам, могли быть перенесены в старшие классы, а более легкие – в младшие. Этим обуславливалась подвижность учебных программ: учащиеся каждого нового набора изучали дисциплины в иной последовательности и объеме, нежели их предшественники. Так, в 1843 г. в III классе были упразднены лекции алгебры, геометрии и статистики, а вместо них введены два часа римского права и один час энциклопедии права [12, Л. 3].

Большое внимание в Училище уделялось преподаванию иностранных языков. Обязательными для изучения являлись латинский, французский и немецкий языки. Правовед четвертого выпуска В.В. Стасов вспоминал, как начальство заботилось, «чтоб мы хорошенько практиковались во французском языке (ведь французский язык – первое основание для благовоспитанного человека, для "джентльменов", какими нас прежде всего желали сделать)» [1, с.330]. Греческий и англий-

ский языки не входили в общий курс наук, поэтому результаты их изучения учитывались при выведении общей суммы баллов только при получении удовлетворительной оценки [5, Л. 4]. Впоследствии изучение этих языков стало необязательным, так как многие воспитанники плохо знали основные иностранные языки и руководство Училища приняло решение выделить на их изучение дополнительные часы за счет английского языка [5, Л. 9].

Весьма эффективным способом практического изучения иностранных языков было преподавание ряда дисциплин на немецком или французском языках. Например, в V классе математическая и физическая география читалась на немецком языке [10, Л. 9]. На иностранных языках велось и обучение технологии, введенной в 1839 г. в младших классах Училища. Обучение ремеслам по инициативе преподавателей проходило не в рамках обычной лекционной системы, а в живом диалоге между педагогом и воспитанниками, тем самым достигалось более прочное овладение иностранным языком, на котором велся предмет [10, Л. 5].

Изучать и иностранные языки, и другие предметы помогала обширная библиотека заведения, которой могли пользоваться как преподаватели, так и воспитанники. Ее фонды постоянно пополнялись, причем среди дарителей книг были Николай I и попечитель Училища принц П.Г. Ольденбургский. Кроме того, для пополнения библиотеки нередко приобретались частные книжные собрания. Так, в 1838 г. у пастора Ревеля была приобретена французская библиотека, состоявшая из 948 книг, 223 ландкарт, 758 рисунков и 140 прописей за 3500 р. [4, Л. 21]. Через год Училище правоведения приобрело у статской советницы Гауеншильд 2279 книг на французском, латинском и немецком языках [9, Л. 4]. Эта удачная покупка позволила практически удвоить библиотечный фонд, в каталогах которого стало значиться 5435 изданий.

Учебные успехи воспитанников оценивались по 12-балльной шкале, причем оценки заносились в ведомости. Инспектор класса ежемесячно составлял общую сводку оценок, предоставлял ее директору и объявлял воспитанникам. Эти меры «способствовали к возбуждению благородного соревнования между воспитанниками» [2, Л. 8].

Руководство Училища заботилось не

только о содержательном наполнении учебной программы, но и о том, чтобы у воспитанников было время для повторения уроков и для отдыха. Самостоятельные занятия шли под надзором инспектора классов и в присутствии дежурных воспитателей, которые советами и объяснениями помогали воспитанникам готовить уроки [2, Л. 13]. Когда правоведа первого набора перешли в выпускной класс, руководство Училища решило предоставить им больше свободного времени для упражнений в юридической практике и подготовке заданий. Совет Училища перестроил распорядок дня учащихся I класса таким образом, чтобы классные занятия шли с 8-30 до 13-00 без перерыва, а затем, после краткого отдыха, правоведа должны были повторять изученное утром, завершая работу к 16-00 (в то время как их младшие товарищи занимались до 18-00). Это решение Совета не было принято единогласно: многие преподаватели опасались, что напряженная умственная работа в течение нескольких часов отрицательно скажется на здоровье воспитанников [8, Л. 3]. Их оппоненты аргументировали свою позицию тем, что аналогичный распорядок дня, принятый в гимназиях, не привел к каким-либо негативным последствиям для обучающихся.

Два раза в год правоведа сдавали экзамены по курсу изучаемых предметов. А в конце обучения в Училище их ожидали публичные испытания, на которые приглашались Попечитель Училища, министры, члены Государственного Совета и Сената. Для того, чтобы быть переведенным в следующий класс, необходимо было набрать не менее 7 баллов по каждому предмету. Не преодолевшие этот порог допускались к переэкзаменовке, а после повторной неудачи оставались в своем классе на второй год. Однако уже в 1839 г. инспектор классов барон Врангель пришел к выводу, что многие правоведа, зная, что в случае провала на экзамене у них будет возможность пересдать его, не стремятся готовиться, а надеются на пересдачу. По его инициативе пересдачи стали допускаться только в исключительных случаях [10, Л. 10].

Немаловажную роль в организации образовательного процесса играло его материально-техническое обеспечение. В стенах Училища были созданы все условия для того, чтобы воспитанники могли знакомиться с материалом не только в теории, но и на практике.

Достаточное хорошее оснащение имели кабинеты предметов общего цикла. Так физический кабинет вместе с коллекцией минералов насчитывал 446 предмета, 339 из которых были приобретены в 1839 г. Среди прочих предметов, помимо скелета человека, использовавшегося на занятиях по естествознанию, были также скелеты кролика, совы и попугая [7, Л. 6].

Особое внимание руководство обращало на организацию преподавания специально-юридических дисциплин. Выпускники Училища, которым предстояло посвятить себя работе на юридическом поприще, должны были не просто обладать глубокими теоретическими познаниями, но и хорошо ориентироваться в правовой практике. С этой целью в I классе для преподавания практического судопроизводства на занятиях с правоведами разбирались подлинные гражданские и уголовные судебные дела, находившиеся в судопроизводстве судов как низших, так и высших инстанций. Спектр изучаемых дел был достаточно широк: от растраты казенного имущества до преступлений, совершенных малолетними [10, Л. 11]. Также в Императорском Училище правоведения была открыта первая в Российской империи кафедра судебной медицины [11, Л. 25]. Этот предмет для правоведов стал одним из самых любимых. Воспитанники с живым интересом слушали лекции о насильственной смерти, отравлениях, ранах, нанесенных тупыми и острыми предметами [1, Л. 368]. Лучшие ученики отправлялись в Мариинскую больницу, где присутствовали при вскрытии трупов.

В Училище правоведения благодаря оптимальному сочетанию общеобразовательных предметов и дисциплин специализации происходило формирование эрудированных личностей с широким кругозором. Единство теоретического и практического обучения позволило добиться высоких результатов в подготовке правоведов. За первые десять лет своего существования Императорское Училище правоведения подготовило шесть выпусков юристов, преобразивших не только министерство юстиции, но и правовую систему Российской империи. Среди тех, кто стоял у истоков судебной реформы 1864 г., мы видим Н.И. Стояновского, Д.А. Ровинского, В.Д. Философова и других питомцев Училища правоведения.

Список литературы

1. Стасов В. В. Училище правоведения сорок лет тому назад // Избранные сочинения в трех томах. Живопись. Скульптура. Музыка. Т. 2. М.: Искусство, 1952. С. 299-390.
2. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 355. Оп. 1. Д. 4132.
3. ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4140А.
4. ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4141.
5. ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4144.
6. ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4148А.
7. ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4149.
8. ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4153.
9. ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4156.
10. ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4164А.
11. ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4171.
12. ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4215А.
13. ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4224А.
14. ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4535.

EDUCATIONAL ACTIVITIES OF THE IMPERIAL SCHOOL OF LAW IN 1835-1845

This article is devoted to the organization of educational activities in the Imperial School of law in the first decade of its existence. The author analyzes the content of educational activities and the conditions of its implementation. It is noted that special attention in the School of law was paid to the study of foreign languages and legal disciplines. The author comes to the conclusion about the high level of organization of educational activities in the Imperial School of law.

Keywords: Imperial School of law, educational activities, Prince P. G. Oldenburg, D. I. Rovinsky, N. I. Stojanovski, educational space, private educational institution, jurists, foreign languages, judicial reform.

References

1. Stasov V. V. Uchilishche pravovedeniya sorok let tomu nazad [The School of Law forty years ago] // Izbrannye sochineniya v trekh tomah. ZHivopis'. Skul'ptura. Muzyka [Selected works in three volumes. Painting. Sculpture. Music]. Vol. 2. M.: Iskusstvo, 1952. Pp. 299-390.
2. Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Sankt-Peterburga (CGIA SPb.) [Central State Historical Archive of Saint Petersburg (CSHA SPb.)]. F. 355. Op. 1. D. 4132.
3. CGIA SPb. [CSHA SPb.] F. 355. Op. 1. D. 4140A.
4. CGIA SPb. [CSHA SPb.] F. 355. Op. 1. D. 4141.
5. CGIA SPb. [CSHA SPb.] F. 355. Op. 1. D. 4144.
6. CGIA SPb. [CSHA SPb.] F. 355. Op. 1. D. 4148A.
7. CGIA SPb. [CSHA SPb.] F. 355. Op. 1. D. 4149.
8. CGIA SPb. [CSHA SPb.] F. 355. Op. 1. D. 4153.
9. CGIA SPb. [CSHA SPb.] F. 355. Op. 1. D. 4156.
10. CGIA SPb. [CSHA SPb.] F. 355. Op. 1. D. 4164A.
11. CGIA SPb. [CSHA SPb.] F. 355. Op. 1. D. 4171.
12. CGIA SPb. [CSHA SPb.] F. 355. Op. 1. D. 4215A.
13. CGIA SPb. [CSHA SPb.] F. 355. Op. 1. D. 4224A.
14. CGIA SPb. [CSHA SPb.] F. 355. Op. 1. D. 4535.

Об авторе

Шишкина Мария Сергеевна – аспирант, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Россия). E-mail: maschakutaf@mail.ru

Shishkina Mariya Sergeevna – post-graduate student, Orel State University named after I. S. Turgenyev (Russia). E-mail: maschakutaf@mail.ru